

Владимир Федорович Одоевский. Русские ночи

Серия "Литературные памятники"

В.Ф. Одоевский "Русские ночи", М., "Наука", 1975

OCR Бычков М.Н.

ОТ РЕДАКЦИИ

"Русские ночи" В. Ф. Одоевского – один из самых сложных и драматических этапов в истории русской культуры и литературы.

Казалось бы, один из бывших организаторов кружка русских философов – "любомудров", довольно далекого от политики и социальности, мог к сороковым годам XIX века оказаться удовлетворенным и жизнью, и философским развитием: наступил самый "тихий" в истории николаевского царствования (да и вообще в Европе) период, который можно бы выдать за воплощенную эпоху гармонии и шеллингианского "тождества"; в философском мире господствовала самая грандиозная и систематичнейшая из всех известных учений философия Гегеля: как будто реализовались мечты любомудров о философском счастье...

Но Одоевский в присмирившей Европе увидел угнетение человека и волчьи законы буржуазного эгоизма, в систематичности современных философских учений – казенную иерархию ценностей, разрушение целостного отношения к миру, опасный путь к бездуховным, безосновным позитивизму и вульгарному материализму (которые он ошибочно называл материализмом вообще). Одоевский прозорливо почувствовал всемирно-исторический характер обуржуазивания и политики, и науки, и быта и не мог не ужаснуться этому. Реакция его, рюриковича, русского дворянина, современника 1812 года, была в чем-то сходной со славянофильской: он тоже проникался романтически-феодалным утопизмом, представлением об особом пути России (хотя, как и славянофилы, отнюдь не идеализировал николаевскую эпоху). Но, в отличие от славянофилов, Одоевский не возвращался вспять, он, наоборот, бесстрашно бросался в самую гущу современной культуры, науки, искусства, стремясь найти у современного человечества опору и тенденцию такого движения, которое победило бы "Бентамию", меркантильный мир, распадающийся на эгоистические атомы.

Одоевский не чужд и опытным наукам (он неплохо знал математику, физику, химию, физиологию), внимательно изучает психологию, находится под явным воздействием идей французского христианского социализма (ср. интересную запись Одоевского: "Христианство должно было возбудить гонения и общее негодование; оно вошло в противоречие с основным элементом древнего мира: неравенством между людьми Безусловный гнет человека человеком, как всякое движение, есть явление неестественное, которое может быть поддерживаемо лишь материальной силою; этот гнет чуяли все народы до Р. Хр., но никто до Христа не выговорил слова об общей взаимной любви между всеми людьми без различия". – "Русский архив", 1874, э 2, стлб. 301).

Убежденный романтик, Одоевский главную роль в преображении мира отводил идеям и художественным образам, поэтому органичный для мыслителя синтетизм, энциклопедизм особенно ярко выделялся в соединении науки и искусства, ибо во всех своих произведениях и особенно – в "Русских ночах", Одоевский воплощает социальную или философскую мысль в художественных картинах, а поэтические образы его становятся идеологическими символами. Отсюда такой насыщенный интеллектуализм повестей и рассказов писателя, доходящий иногда до "метаязыка", т. е. до описания самого процесса творчества (обе эти черты в перспективе ведут к сложному искусству XX века, например, одновременно и к "Доктору Фаустусу", и к "Роману одного романа" Томаса Манна). С другой стороны, Одоевский тревожно чувствовал трагедию любой крайности, в том числе интеллектуализма и творческой гениальности, лишающей человека полноты, универсальности.

Боясь крайностей, боясь завершенных точек над "и", Одоевский принципиально диалогичен (что для романтика необычайно трудно!) и принципиально фрагментарен. Фрагмент Одоевского как бы воет против деспотизма рамок, против лозунгов окончательных решений – и одновременно он доверчиво, демократично отдан читателю на досказывание, доосмысление. В то же время фрагментарность связана с глубинными представлениями Одоевского о всеобщей взаимосвязанности явлений и структур, о том, что небольшой отрезок